

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₂₀₎

Весна – лето

2014

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Послание Петра Филиппу» (*NHC VIII.2. 132.10–140.27; CodTch 1.1–9.17*). Введение, перевод с коптского языка, комментарий *А.Л. Хосроева* 5
- Наказ Тодзю*. «Беседы со старцем». Предисловие, перевод фрагментов с японского языка, комментарий *К.Г. Маранджян* 31
- Т.А. Пан*. Маньчжуро-монгольский диплом, выданный жене монгольского аристократа (из коллекции ИВР РАН) 38

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева*. «Знатные и великие». Богатые семьи города Ларсы в XIX–XVIII вв. до н.э. 45
- Б.Б. Лаикарбеков**. Рефлексы древнеиранского *gātu-/*gādu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах 58
- И.В. Герасимов, Абд ал-Азиз Хасан, Сумейя*. Жилища и дома суданцев в «Табакат» Ибн Дайфаллаха 64
- В.М. Рыбаков*. Танские законы о насильственных видах присвоения чужого имущества 75
- И.С. Гуревич*. Грамматическая стилистика текстов *тинхуа* (на материале «Заново составленного *тинхуа* по истории Пяти династий») 89
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийская эпическая мифология: основные характеристики 100

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Прозоров*. Духовные ценности суфиев в надписях на личных вещах (по материалам арабской рукописи сочинения по суфизму ‘Азизи Шайзалы, ум. в 494/1100 г.) 114
- Ю.А. Иоаннесян*. Комментарий Баба на суру «ал-Каусар» 126
- О.М. Чунакова*. Среднеперсидские манихейские фрагменты из Туяк-Мазара 143
- М.В. Фионин*. История изучения новозаветных лекционариев (краткий обзор) 148

Наука — Восточная литература
2014

<i>Е.П. Островская.</i> О значении термина bhagavān в составе религиозного титула Будда Бхагаван	160
<i>С.Л. Бурмистров.</i> Культ и мифология Ганеши (по рукописным материалам из Индийского фонда ИВР РАН)	168

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>К.К. Курдоев.</i> Краткий историко-этнографический очерк о курдах заза. Предисловие и публикация текста <i>З.А. Юсуповой</i>	180
<i>С.С. Сабрукова.</i> Памятник буддийской архитектуры — Эркетеневский хурул (по материалам АВ ИВР РАН)	201
<i>К.В. Алексеев, А.А. Туранская, Н.В. Ямпольская.</i> Фрагменты монгольского Золотого Ганджура в собрании ИВР РАН	206
<i>И.Г. Алимбарашвили.</i> Из взаимоотношений Мари Броссе и Дмитрия Мегвинетухуцесишвили	225
<i>Е.О. Шухман.</i> Еврейские палеотипы в коллекции ИВР РАН (краткий обзор)	231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О.А. Воднева.</i> Ежегодная (годовая) научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения». К 195-летию (1818–2013) Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН (СПб., 2–4.12.2013)	243
<i>М.М. Юнусов.</i> Петербургский институт нудайки. Третья ежегодная конференция по нудайке и востоковедению (СПб., 17.12.2013)	252
<i>И.В. Кульганек, Т.А. Пан.</i> Шестая научно-практическая конференция «Путешествия на Восток — 2013» (СПб., 26.03.2014)	257
<i>С.Х. Шомахмадов.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Первое заседание: доклад М.И. Воробьевой-Десятковской «Буддийские рукописи из коллекции М. Скоена (Martin Schøyen)» (СПб., 16.04.2014)	260
<i>Н.О. Чехович.</i> Конференция «Администрация и бюрократия на Древнем Востоке (к 125-летию со дня рождения Василия Васильевича Струве)» (СПб., 22–23.04.2014)	262
<i>Е.П. Островская.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Второе и третье заседания: доклад Т.В. Ермаковой «Собиратели рукописей индийского фонда Азиатского музея — ИВР РАН» (СПб., 12 и 21.05.2014)	265

РЕЦЕНЗИИ

На четвертой стороне обложки: Маньчжуро-китайский диплом из маньчжурской коллекции ИВР РАН, шифр С 30 mss (к статье Т.А. Пан)	
Над номером работали: Г.О. Ковтунович А.А. Ковалев О.В. Мажидова О.В. Волкова А.Е. Танчарова Е.А. Пронина	
The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part I (1845–1851) / Ed. A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2005. — xxx+640 pp. and The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II (1852–1854) / Ed. by A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2012. — x+732 pp. (К.Г. Маранджян)	267
Пэн Сян-цян 彭向前. Си Ся вэнь Мэн-цзы чжэнли яньзюо 西夏文《孟子》整理研究 (Комплексное исследование тангутского перевода «Мэн-цзы»). — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. — 295 с. (Тан Цзюнь, Ю.С. Мильникова)	269
Дмитрий Цолин. Арамейский язык библейских тестов и Таргума Онкелоса. Учебное пособие. — Черкассы: Коллоквиум, 2013. — 359 с. (В. Голенец)	274
Ю.В. Болтач. Ханмун. Вводный курс. — СПб.: Гиперион, 2013. — 335 с. (И.С. Гуревич, К.Г. Маранджян)	275
«Второй» и «Третий» альбомы о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Вступит. ст. академика В.С. Мясникова и О.В. Васильевой. Подг. к изд. О.В. Васильевой. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2012 (И.Ф. Попова)	276
© Российская академия наук, 2014 © Институт восточных рукописей РАН, 2014	

The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part I (1845–1851) / Ed. by A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2005. — xxx+640 pp. and **The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II (1852–1854)** / Ed. by A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2012. — x+732 pp.

Миссионерская деятельность на Востоке в XIX в. была частью мощного западного проекта по «доместикации» Азии — на это были брошены большие средства и человеческие ресурсы, причем туда направлялись добровольно, по велению сердца, лучшие из лучших, уверенные в высоком предназначении своего дела. И хотя этот проект большей частью закончился поражением христианства в борьбе с местными религиями (за исключением, наверно, Кореи, где укоренилось протестантство, и Филиппин, где пустил корни католицизм), эта страница истории заслуживает внимательного изучения и открывает перед исследователем совершенно особый мир со своими особыми законами и представлениями.

Как отмечает в своем небольшом предисловии к книге профессор Университета искусств префектуры Окинава Э.П. Дженкинс, ссылаясь на авторитет Э. Портера, специалиста по истории британского протестантского движения, миссионерская деятельность до сих пор не была интегрирована в другие области истории (т. 1, с. V) и оставалась прерогативой ученых-богословов. Только в последнее время в этой области намечились некоторые изменения. Выход в свет объемного двухтомного издания дневниковых записей и официальной переписки британского протестантского мис-

сионера Бернарда Жана Беттельхайма (1811–1870), проведенного на Рюкю с 1846 по 1854 г., является важным шагом в изучении миссионерства.

Ежедневные записи Беттельхайма, которые он делал не только для себя, но и для отчетов перед отправившей его Рюкюской морской миссией (Ryukyu Naval Mission), позволяют нам изнутри увидеть жизнь миссионера, приехавшего в незнакомую азиатскую страну, чтобы приобщить ее к христианскому свету. Это неоценимый исторический документ, рассказывающий нам не только о личности его автора и окружающих его людях, но и о быте и нравах страны назначения, видах и методах проповеднической работы, об отношениях между миссионерскими сообществами и о многом другом. К примеру, дневник может служить интереснейшим источником по истории медицины — ну где еще может современный читатель узнать о том, что менингит в те годы лечили ромашкой и кровопусканием, притом с благополучным исходом для пациента! В то же время по дневниковым записям Беттельхайма мы узнаем о личности известного миссионера и знатока Китая Карла Гюцлафа (1803–1851), чье имя хорошо известно синологам: Беттельхайм рисует нам портрет не слишком симпатичного человека авторитарного склада, старавшегося выставить себя главной фигурой среди миссионеров на Дальнем Востоке. Из подобных мелочей складывается живая ткань жизни, приближая нас к реалиям того времени, к атмосфере человеческих отношений между европейскими миссионерами разных конфессий, и, наконец, к осознанию значимости их служения Богу и важности их отношений с божественным измерением, столь отличным от нашего понимания духовных истин. Это потрясающее и захватывающее чтение, создающее эффект присутствия в другой эпохе и в компании совсем

других людей. Нас с ними разделяют немногим более 160 лет, однако культурная дистанция между нами огромна — мы живем в эпоху других представлений, которые, как мне кажется, не сильно прибавили нам благородства.

И конечно, одной из главных фигур этого дневника является его непосредственный автор — Бернард Жан Беттельхайм, человек поразительной судьбы, огромной силы духа, который упорно следовал тому, что считал своим высшим предназначением, идя наперекор внешним обстоятельствам. Иной раз его слепое упорство, которое отнюдь не всегда приносило ожидаемые результаты — как, к примеру, это случилось на Окинаве, не способствовало появлению новообращенных христиан, а скорее наоборот, приводило к еще большей настороженности к проповедникам учения Христа. Впрочем, это не умаляет того, что британский миссионер активно занимался изучением местного языка и переводом библейских текстов, чем и заслужил себе безусловное место в истории.

Наверное, нет нужды подробно пересказывать здесь занимательные повороты в биографии Беттельхайма — выходца из иудейской семьи, учившегося на раввина, обретшего новую веру после встречи на Ближнем Востоке с миссионерами и решившего встать на путь миссионерского служения. Врач по образованию, он упорно добивался отправки на Дальний Восток, встретив на этом пути немало сопротивления. И все же ему удалось добиться желаемой цели — о том, как это было, и повествует его журнал. Наблюдательность, точность, порой даже некоторая педантичность фиксации пережитого и увиденного, эмоциональная окрашенность записей, своеобразие видения мира Беттельхаймом делают чтение дневника захватывающим, то и дело удивляя читателя какими-то невероятными подробностями или деталями и заставляя его глядеть на мир глазами человека из XIX в. Особо отметим, что действие описываемых событий не ограничивается только самой Окинавой и включает периоды, проведенные на борту корабля или в Гонконге, расширяя пространственные границы его рассказа. Перед нами вырисовывается весьма незаурядная личность, не лишенная недостатков, — по словам готовившего дневник к публикации Э.П. Дженкинса, «фигура неоднозначная» — но именно эта противоречивость рас-

крывающейся перед нами личности придает дневнику достоверность и убедительность, позволяя нам заглянуть в глубины жизненного опыта другого человека. Иными словами, незаурядность Беттельхайма — сама по себе достаточное основание для того, чтобы погрузиться в чтение его записей.

Но, помимо самого Беттельхайма, у этой книги есть и еще один «автор» — я имею в виду профессора Э.П. Дженкинса, который стал инициатором проекта подготовки к публикации текста дневника. Некоторые фрагменты отчетных записей британского миссионера издавались среди материалов Рюкюской морской миссии, которая преимущественно публиковала то, что относилось к деятельности Беттельхайма как врача, проповедника и переводчика. Рукопись дневника Беттельхайма хранилась в Бирмингемском университете (где находятся документы Церковного Миссионерского общества, поглотившего Рюкюскую морскую миссию в 1861 г.), часть архива сохранилась в Университете Рюкю. Именно эти рукописи и стали основой для публикации. Как отмечает сам Э.П. Дженкинс, английский язык был не родным для Беттельхайма, он не всегда правильно изъясняется, допускает ошибки, создает свои собственные неологизмы. Для того чтобы сделать текст «читаемым» и в то же время следовать принципу «точности», Э.П. Дженкинсу очень пригодились его знания по палеографии, курс которой он читал студентам. Он проделал титаническую и очень тщательную работу, подготовив для печати почти полторы тысячи страниц современного типографского текста, разбирая трудночитаемый почерк Беттельхайма, образец которого приведен на открывающей первый том странице. Можно только высказать слова огромного уважения и профессиональной признательности ученому, взявшему на себя такой гигантский труд.

Однако значение этого исторического источника не ограничивается тем, что это своеобразная энциклопедия миссионерского быта. Значение дневников как источника наших знаний о королевстве Рюкю середины XIX в., пожалуй, не имеет на сегодняшний день себе равных. Причем это достоверные факты, по крайней мере они таковы, какими их увидел и счел важными живший внутри рюкюской культуры «очевидец», — иными словами, это

почти полевой материал, столь высоко ценимый учеными.

История и культура о-ва Окинава (до 1979 г. — королевства Рюкю, ставшего после аннексии префектурой Окинава в составе Японии) долгое время оставались на периферии внимания историков. Только в последнее десятилетие была создана International Association of Ryukyuan/Okinawan Studies (2008), объединившая усилия японских и западных исследователей. Наметился прогресс в изучении этой темы и в России — в 2008 г. вышла в свет монография владивостокского ученого Е. Пустовойта «История королевства Рюкю (с древнейших времен и до его ликвидации)», а в 2013 г. появилась его же книга «Русские корабли на Рюкю в 1854 г.». И все же наши знания о Рюкю еще слишком малы, поэтому любая новая публикация на эту тему представляет огромный интерес, особенно когда речь идет о малоизвестном историческом источнике. В этом отношении издание записей Б.Ж. Беттельхайма является безусловным событием в рюкюведении (если такой термин существует!).

Вместе с тем эта книга имеет особое значение и для русской аудитории — дело в том, что в заметках Беттельхайм пишет о своих встречах с моряками с фрегата «Паллада», совершавшего кругосветное путешествие в 1852–1855 гг. с дипломатической миссией адмирала Е.В. Путятина и заходившего на Рюкю. Как хорошо известно, писатель И. Гончаров, принимавший участие в плавании, позднее опубликовал свои путевые записки, озаглавив их «Фрегат „Паллада“». В одной из глав книги — «Ликейские острова» — он описал встречу с «миссионером Беттельгеймом», с которым моряки встречались потом не один раз. В свою очередь, в дневниках Беттельхайм также рассказывает о своем общении с русскими морскими офицерами с фрегата «Паллада». Возможность восстановить реальную картину событий по записям, сделанным участниками с двух противоположных сторон, всегда придает описанию многомерную объемность, поскольку одни и те же ситуации воспринимаются авторами совершенно по-разному. Отметим, что если Гончаров отзывался о британском миссионере с не слишком большой симпатией, то Беттельхайм пишет о своих русских гостях с большим уважением.

Есть и еще одна ниточка, связывающая нас с Беттельхаймом, — в японской коллекции

Отдела рукописей и документов ИВР хранится ксилографическое издание «Евангелия от Луки», переведенного Беттельхаймом. Оно поступило из коллекции И.А. Гошкевича, также находившегося на борту «Паллады» и входившего в число тех офицеров, которые встречались с Беттельхаймом на Окинаве. По видимому, «Евангелие от Луки», изданное в 1855 г. в Гонконге, уже после встречи британского миссионера с русскими моряками, было куплено у него, отчасти благодаря личному знакомству, и явилось отнюдь не случайным приобретением И.А. Гошкевича, впоследствии ставшего первым русским консулом в Японии. Таким образом, удивительная книга британского протестантского миссионера Бернарда Ж. Беттельхайма оказалась связующим звеном между далекой Окинавой и Россией.

Надеюсь, что великолепно подготовленное издание этих дневников войдет в число классических изданий по востоковедению, востребованных исследователями и читающей публикой во всех уголках мира.

К.Г. Маранджян

Пэн Сян-цзянь 彭向前. Си Ся вэнь Мэн-цзы чжэньли яньцзю 西夏文《孟子》整理研究 (Комплексное исследование тангутского перевода «Мэн-цзы»). — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. — 295 с.

Важнейшей частью письменного наследия государства тангутов Великое Ся (982–1227) являются тангутские переводы китайских классических произведений, которые в китайском тангутоведении обозначаются аббревиатурой *ся и ханьцзи* 夏译汉籍. К ним относятся:

- 1) переводы сочинений китайской конфуцианской морали — *лунь юй* «Лунь юй», *мэн-цзы* «Мэн-цзы», *мэн-цзы чжуань* «Мэн-цзы чжуань» («Мэн-цзы с комментариями»), *сяо-цзин чжуань* («Сяо-цзин с комментариями Люй Хуй-цина»);
- 2) военные трактаты — *сань-цзы бин фа саньцзя чжу* («Военный трактат Сань-цзы с тремя комментариями»), *лиу тао* («Шесть секретов»), *хуан ши-гун*

- сань люэ» («Три тактики Хуан Ши-гуна»), 将苑 «Цзян юань» («Сад генерала» — военный трактат, приписываемый Чжу Гэ-ляну);
- 3) исторические сочинения — 贞观政要 «Чжэнь гуань чжэн яо» («Основы управления в период Чжэнь-гуань»), 十二国 «Ши эр го» («Двенадцать царств»), 类林 «Лэй линь» («Лес категорий»);
- 4) сборники переводов из различных китайских книг, составленные самими тангутами, — 经史杂抄 «Цзин ши цза чао» («Сборник цитат из китайских классических книг»), 新集慈孝传 «Синь цзи цы сяо чжуань» («Вновь собранные записки о родительской любви и сыновней почитательности») и 德行集 «Дэ синцзи» («Сборник о добродетелях и поведении»).

Изучение китайских сочинений в тангутском переводе ведется уже довольно давно и, что вполне закономерно, по-прежнему остается востребованным и перспективным направлением исследований в мировом тангутоведении. Наличие под рукой китайского оригинала, с одной стороны, усиливает аргументированность исследования, с другой — позволяет обобщить сложные лингвистические явления тангутского языка и выработать нормативный метод перевода с тангутского.

Среди огромного количества рукописных книг и ксилографов, обнаруженных экспедицией П.К. Козлова в знаменитом субургане на территории мертвого города Хара-Хото в 1908–1909 гг., находился и тангутский перевод «Мэн-цзы». Хранится он в Тангутском фонде Института восточных рукописей РАН. Текст памятника был введен в научный оборот В.С. Колоколовым и Е.И. Кычановым, которые опубликовали факсимильное издание: Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо-цзин). Факсимиле текстов / Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. М.: Наука, ГРВЛ, 1966 (Памятники письменности Востока. IV). В издании было указано, что тангутский перевод «Мэн-цзы» — это «перевод без комментария. Гл. IV, V, VI (инв. 6738). Рукопись, курсив, брошюровка „бабочкой“, размер листа 27×16,5; семь строк по 20–21 знаку в строке. Бумага беловато-серая, мягкая, с четкой сеткой. На один сантиметр бумаги приходится восемь горизонтальных делений сетки.

Книга сильно пострадала от плесени. Рукопись без даты, исключительно плохой сохранности, после реставрации состоит из 57 фрагментов, в числе которых отдельные листы сохранились почти полностью. Текст размечен кружками киноварью. Киноварью же в перевод внесен целый ряд поправок. Рукопись обнаружена и определена Е.И. Кычановым» (Китайская классика в тангутском переводе. С. 10).

Поврежденность практически каждой страницы рукописи, фрагментарная сохранность многих знаков, рукописное курсивное письмо — более сотни лет эти обстоятельства затрудняли прочтение и, вероятно, обескураживали специалистов, которые пытались подступиться к изучению этого памятника. В итоге тангутский перевод «Мэн-цзы» был дешифрован и исследован значительно позднее остальных переводных китайских произведений.

Главный научный сотрудник Института тангутоведения при университете Нинся — Пэн Сян-цянь, не побоявшись вышеназванных трудностей, приступил к исследованию тангутского перевода «Мэн-цзы». Результатом шестилетнего труда стала монография «Комплексное исследование тангутского перевода „Мэн-цзы“», которая была издана шанхайским издательством «Древняя книга» в 2012 г. в серии «Изучение памятников тангутской письменности» под редакцией Ду Цян-лу. В следующем году монография Пэн Сян-цяня была удостоена премии правительства Нинся-Хуэйского автономного района за выдающиеся достижения в области общественных наук.

Научный путь автора монографии, которой посвящена эта рецензия, начался с магистратуры в центре изучения истории династии Сун в Хэбэйском университете. Там же Пэн Сян-цянь защитил докторскую диссертацию, после чего под руководством известного тангтоведа Не Хун-иня работал над постдокторским исследованием в институте этнологии и антропологии КАОН. По словам самого Пэн Сян-цяня, именно у Не Хун-иня он научился основам китайской фонологии, тангутскому и тибетскому языкам, а также перенял многие исследовательские приемы, в частности соединение методов филологической и исторической наук. Благодаря междисциплинарной подготовке, ежедневной кропотливой и вдумчивой работе Пэн Сян-цянь осуществил уни-

кальное по своей всесторонности фундаментальное исследование тангутского перевода «Мэн-цзы».

Монография Пэн Сян-цяня, объемом более 300 тыс. иероглифов, состоит из трех глав. Структура работы свидетельствует о стремлении автора сделать ознакомление с результатами исследования максимально удобным. В первой главе (с. 1–61), разделенной на 11 параграфов, освещено несколько важных сюжетов.

Первая глава начинается с установления времени появления конфуцианского канона в государстве Си Ся и датировки тангутского перевода «Мэн-цзы». Автор полагает, что тангутский правитель Лян Цзо (И-цзун, 1048–1068) обратился к властям Северной Сун с просьбой подарить собрание канонов и исторических произведений, в результате чего в 1063 г. «Мэн-цзы» в составе «Девятикнижия» попадает в Си Ся. С началом правления императора Цянь-шуня (Чун-цзун, 1086–1139) в тангутском государстве был проведен ряд мероприятий по распространению конфуцианского учения. Это может означать, что тангутский перевод «Мэн-цзы» был издан в первой половине 250-летнего существования государства Западное Ся. В годы правления императора Жэнь-сяо (Жэнь-цзун, 1139–1193) в Си Ся случился небывалый всплеск переводческой и публикационной активности, появляется большое количество переводов китайских классических произведений, а также тангутских сочинений, которые были созданы под сильным влиянием китайской литературы. Автор с уверенностью утверждает, что в этот период тангутский перевод «Мэн-цзы» продолжал издаваться.

В Си Ся, так же как и в Китае, была распространена практика табуирования личных имен правителей. Отличительной особенностью книг, изданных в годы царствования Жэнь-сяо, является неизменное отсутствие последней вертикальной черты во втором иероглифе личного имени государя — 紉, соответствующем китайскому сяо 孝. В тангутском переводе «Мэн-цзы» этот иероглиф встречается дважды, и оба раза в полном написании, т.е. знак не табуирован. Таким образом, делает вывод Пэн Сян-цянь, перевод «Мэн-цзы» никак не мог появиться в эру Жэнь-цзуна, а был выполнен в годы правления или Лян-цзо (в 60-е годы XI в.), или Цянь-шуня (в первой четверти XII в.) (с. 31).

В следующем параграфе автор восстанавливает правильную последовательность расположения сохранившихся фрагментов рукописи. Текст перевода «Мэн-цзы» «до реставрации был просто неразборчивым» (Китайская классика в тангутском переводе. С. 17), а поскольку после реставрации никто специально не занимался изучением этого памятника, то отдельные фрагменты листов были соединены неправильно, и порядок расположения некоторых страниц смешался. В ходе кропотливого анализа 57 фрагментов рукописи автор воссоздал первоначальный вид сохранившихся частей произведения. Он обнаружил, что уцелевший текст насчитывает 51 страницу. Оказалось, что левый верхний угол 6-й страницы является началом последних трех строчек на 8-й странице, а фрагмент № 57 нужно соединить с № 51. Правильное расположение фрагмента № 56, крошечного и сильно поврежденного кусочка текста, автор сумел идентифицировать лишь после того, как основная работа по написанию данной монографии была завершена. Фрагмент № 56 является началом первой строчки на 51-й странице (с. 8–9).

Далее автор проводит **анализ инверсии** как особого переводческого приема, что представляет большой интерес. По совету Не Хуниня автор монографии исследовал текст и обнаружил, что при переводе с китайского на тангутский иероглифы в составе сложных слов и однородные члены в сложных предложениях зачастую могли меняться местами. Приведем несколько примеров из монографии. Слово-сочетание 富贵 «богатый и знатный» в предложении 人亦孰不欲富贵 (*Кто из людей не желает также быть богатым и знатным*) при переводе на тангутский язык было записано в обратной последовательности 窿癩 (т.е. = 贵富). Во фразе 屨大小同, 则贾相若 (*Баширки одинакового размера имели бы [одну и] ту же стоимость*) слово 大小 «размер» при переводе оказалось инверсией — 謬繚 (т.е. = 小大). Предложение 鹄不日浴而白, 乌不日黔而黑 (*Ведь лебедю не нужно каждый день купаться, чтобы быть белым; ворона не нужно мазать грязью, чтобы он был черным*) из главы «Круговорот небес» «Чжуан-цзы» было переведено на тангутский с инверсией: сначала речь идет про ворона, а затем про лебедя: 斗螻蛄: 混簞踩订榔, 磚簞伐订莛. Знакомство с указанной переводческой трансформацией может оказаться очень полезным, поскольку этот прием использовали и дру-

гие народы, обладавшие своей системой письма: тибетцы и даже кидане, язык которых очень сильно отличался от тангутского (с. 31–36).

В параграфе «Тангутские транскрипции китайских слов и северо-западный диалект китайского языка сунской эпохи» представлен богатый фонетический материал, досконально проработанный автором на основе трех сохранившихся глав тангутского перевода «Мэн-цзы». Пэн Сян-цян выделил 108 тангутских транскрипций китайских имен собственных, среди которых встречаются имена людей, топонимы, названия рек, государств и династий, должностей, философских школ. В общей сложности автор выявил 140 фонетических единиц (с. 36–53).

Основываясь на данных тангутских транскрипций, автор описал некоторые особенности северо-западного диалекта китайского языка той эпохи: звонкие инициалы в нем перешли в глухие, в классе носовых сонантов встречаются различия, верхнеязычные и переднезубные инициалы объединяются, появляются губно-зубные инициалы, конечные согласные -р, -т, -к, как и конечные сонанты -м, -п, -п, отпали. Поскольку эта характеристика полностью совпадает с фонетическими явлениями, отмеченными в двуязычном тангутско-китайском словаре 1190 г. «Жемчужина на ладони», автор полагает, что появление этих фонетических изменений в северо-западном диалекте китайского языка эпохи Сун можно датировать одним столетием ранее (с. 53).

Пэн Сян-цян указывает также на то, что в переводе не могло не отразиться специфически тангутское понимание и восприятие отдельных явлений и понятий. Этому посвящен параграф «Тангутский перевод „Мэн-цзы“ как источник сведений о тангутском обществе». В переводе сведения о тангутском обществе встречаются довольно часто. Например, имя Конфуция передано не транскрипцией, а иероглифами 堯暉, которые буквально означают «Великий учитель». Это, очевидно, свидетельствует как о стремлении выделить Конфуция из числа остальных философов, так и о почитании его в государстве тангутов. На том же основании тангутский переводчик для обозначения конфуцианства использует словосочетание 楞膝 (дословно — «ученье, образованные люди», «ученье-конфуцианцы»). Названия же других философских школ переданы транскрипцией, например, моизм 禩勝.

В официальной истории династии Сун содержится подтверждение того, что конфуцианство обладало высоким авторитетом в Си Ся. В главе «Ся го чжуань» сказано, что во времена правления Жэнь-сяо Конфуцию был дарован титул Вэньсюань-ди 文宣帝 (Совершенный просвещенный император), который превосходит пожалованный Конфуцию в танское время царский титул Вэньсюань-ван 文宣王 (Совершенный просвещенный князь) (с. 54–55). Переводческая деятельность, казалось бы, занятие не столь незначительное, но вряд ли тангутский переводчик «Мэн-цзы» мог себе представить, что спустя восемь столетий искусный китайский исследователь сумеет разглядеть меж строк его перевода реалии тогдашнего тангутского общества.

Другие параграфы первой главы: «Особенности рукописного начертания левой и правой части некоторых иероглифов в тангутском переводе „Мэн-цзы“»; «Пунктуация и пометы тангутского переводчика»; «Стилистика тангутского перевода „Мэн-цзы“».

Во второй главе «Подстановка китайских соответствий тангутским знакам» (с. 62–118) опубликованы факсимиле всех сохранившихся фрагментов произведения, которые образуют три его главы: вторую часть главы «Гунсунь Чоу» и обе части главы «Тэн Вэньгун». Под каждым факсимильным изображением автор расположил китайский пословный перевод, к каждой строчке которого даны примечания. Все строки китайского подстрочника пронумерованы, например, 1201 означает первую строку на 12-й странице рукописи. Следует отметить, что расположение пословного перевода непосредственно под каждой факсимильной страницей рукописи является определенным новшеством. Подобное расположение позволяет в любой момент сличить иероглифы, удостовериться в правильности реконструированного тангутского текста. Это особенно важно потому, что некоторые слова в рукописи сохранились фрагментарно.

При написании пословного перевода важным подспорьем автору служил оригинальный текст «Мэн-цзы», опубликованный в «Тринадцатикнижии с комментариями и пояснениями» (книжный дом «Чжунхуа», 1980 г.). В ходе реконструкции текста автор стремился максимально восполнить поврежденные места в рукописи: добавил повторяющиеся слова и недостающие имена собственные, сделал смысловые вставки. Все знаки, добавленные ав-

тором, выделены подчеркиванием. В постраничных сносках к китайскому подстрочнику отдельно оговорены пометы и исправления тангутского переписчика, инверсии, места, где была нарушена правильная последовательность строк или страниц.

Поистине достойно восхищения то, что автор не только идентифицировал плохо различимые знаки, но также выявил ошибки, допущенные тангутским переводчиком, и указал на пропущенные слова. Например, Пэн Сян-цян обнаружил, что в предложении с двойным отрицанием 城非不高 (*Не в том дело, что стены невысокие*) знак 不 (否) был по ошибке записан похожим на него тангутским иероглифом 𪛗 (后) (с. 63).

Автор установил, что в предложении 非直为观美也, 然后尽于人心 (*Не только для того, чтобы посмотреть на красивое, а чтобы до конца проявить человеческие чувства*), а также в предложении 王如用予, 则岂徒齐民安, 天下之民举安 (*Если бы князь взял меня на службу, то разве только циский народ будет в мире — весь народ Поднебесной будет в мире*) была допущена одна и та же ошибка. В обоих случаях вместо тангутского знака «только, всего лишь» 𪛗 был по ошибке записан похожий на него знак 𪛗 (真) (с. 71, 78). Предложение 分人以财谓之惠 (*Когда делаются с людьми богатством — это называют милосердием*) по-тангутски было записано без иероглифа «делить, отделять» 𪛗 (分) — 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗, тогда как правильный перевод такой: 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 (с. 91).

Третья глава «Перевод и комментарий тангутского текста „Мэн-цзы“» (с. 119–183) состоит из набранного на компьютере тангутского текста памятника, его перевода на китайский язык и подробного комментария. Перед каждым тангутским предложением указан номер страницы и строки, что позволяет при необходимости быстро вернуться ко второй главе и найти нужную фразу в факсимильном формате. В рукописи названия статей отсутствуют. Большими и маленькими кружками размечены главы и предложения. Для удобства автор дополнил тангутский текст современной пунктуацией. Комментарии выполнены в соответствии с традиционной китайской практикой комментирования текста, когда поясняются не имеющие эквивалента в китайском языке тангутские слова и служебные частицы, транскрипции. Нумерация комментариев сквозная, всего насчитывается 381 комментарий.

Содержание комментариев красноречиво свидетельствует о том, что была проделана огромная аналитическая работа. Например, в одном комментарии разбирается предложение 于宋, 饋七十鎰而受 (*В Сун [вам] преподнесли 70 и, и [вы] приняли [их]*). Оно переведено на тангутский как 伸唐, 漆灯踏 𪛗 𪛗. Мера веса 𪛗 𪛗 была переведена тангутским знаком 𪛗, значение которого соответствует китайскому 𪛗 𪛗, что является ошибкой. Автор подробно объясняет почему: «В тангутском государстве было создано учреждение по выпуску эталонов для измерения различных мер веса и емкости, аналогичное китайскому 文思院 („Палате тонкого мастерства и рукоделия“). Было установлено, что 16 𪛗 𪛗 соответствуют 1 𪛗 𪛗. Согласно словарю „Море письмен“, иероглиф 𪛗 (кит. 𪛗 𪛗) означает: „Взвешивая, считают, что шестнадцать 𪛗 𪛗 равно одному 𪛗 𪛗“. Комментарий Чжао Ци (赵岐, 108–201) к „Мэн-цзы“ уточняет, что „24 𪛗 𪛗 равно одному и“» (с. 126).

Тангутский язык принято относить к цянским языкам тибето-бирманской группы. Определенным подспорьем в дешифровке тангутских текстов может оказаться тибетский язык, так как в нем по-прежнему употребляются слова, когда-то имевшие распространение в тангутском. В комментаторской части монографии автор нередко пробует применить свои знания древнетибетского языка, что получается у него весьма успешно.

Предложение 劝齐伐燕, 有诸 (*Возможно ли советовать Ци идти войной против Янь?*) переведено на тангутский как 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗. Автор следующим образом комментирует грамматическую частицу 𪛗: «Является глагольным аффиксом, имеет побудительное значение. Побудительные глаголы в тангутском языке образуются двумя способами: морфологическим и синтаксическим. При первом способе происходит чередование глухого и полувзвонкого начального согласного, при втором — к глаголу добавляется аффикс, как в этом предложении. По аналогии происходит образование повелительного наклонения в древнетибетском языке» (с. 134).

Другое предложение из «Мэн-цзы» 古之君子, 其过也, 如日月之食 (*В древности если благородный муж совершал ошибку, это было как лунное или солнечное затмение*) переведено на тангутский как 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗 𪛗. Буквальный перевод иероглифов 𪛗 𪛗 — «Лохоу спрягал». В тибетском языке

солнечное затмение и лунное затмение записываются *nyivdzin* и *zlavdzin* соответственно, дословное значение — «солнце схвачено» и «луна схвачена», что связано с индийской мифологией, в которой демон Лохоу (Раху) время от времени поглощает солнце или луну, и тогда наступают затмения. Тангутское словосочетание 緘聚百紛 (*солнце и луну спрятал Лохоу*) с точки зрения словообразования строится аналогичным образом, и это означает, что тангуты в сфере астрономии и календаря через тибетцев испытывали большое индийское влияние (с. 55–56, 58). Подобных оригинальных комментариев и толкований в монографии большое количество.

Монография содержит **три приложения**: избранную библиографию, текст соответствующих глав китайского оригинала «Мэн-цзы» и словарь-указатель. Указатель (с. 198–294) содержит все встречающиеся в рукописи иероглифы. Знаки расположены по возрастанию их номеров в «Тангутско-китайском словаре» Ли Фань-вэня. Для каждого знака указан номер по системе поиска по четырем углам; фонетическая реконструкция; значение; все словосочетания с этим иероглифом, которые встречаются в рукописи; номер комментария к этому знаку; а также координаты иероглифа. Например, 080614 означает, что иероглиф встречается на 8-й странице, в 6-й строке, 14-й по счету. Очевидно, что на создание столь содержательного словаря-указателя ушло немало сил, и это достойно наивысшей похвалы.

По словам известного китайского тангутоведа Не Хун-иня, «изучение тангутских рукописей — это бесконечный исследовательский процесс, тем более что исследователи по-прежнему не выработали единые образцы прочтения текста, пусть даже самые базовые принципы, которые соблюдались бы всеми» (*Не Хун-инь* 聂鸿音. Си Сявэньсянь луньгао 西夏文献论稿 (О тангутских рукописях). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. С. 1). Вероятно, единственным изъяном рецензируемой книги является маркирование глагольных показателей направленности действия знаком «△». В китайском языке не встречаются аналогии для подобных частиц. При обозначении глагольных префиксов единым знаком грамматические функции этих частиц не учитываются. Можно выразить уверенность, что Пэн Сян-цян в своих буду-

щих работах усовершенствует эти обозначения.

Количество информации, которое источник раскроет в руках того или иного исследователя, зависит от индивидуального опыта и мастерства. Создается впечатление, что Пэн Сян-цян буквально «выжал» всю возможную информацию из тангутского перевода «Мэн-цзы» до последней капли. Благодаря своей мощной историко-филологической подготовке автор рецензируемой монографии умело и органично использовал подходы обеих наук, затронул самые разные вопросы и сюжеты, каждый из которых был тщательным образом проработан. Объем проделанной работы и степень сложности этого исследования впечатляют.

Тан Цзюнь, Ю.С. Мильникова

Цолин Дмитрий. Арамейский язык библейских текстов и Таргума Онкелоса. Учебное пособие. — Черкассы: Коллоквиум, 2013. — 359 с. — ISBN 978-966-8957-39-0.

Данная книга является хрестоматией для изучения языка двух обозначенных в заголовке текстовых корпусов. Она рассчитана на начинающих арамеистов, гебраистов, богословов и студентов иудаики.

Подобный учебник не имеет аналогов в русскоязычной арамеистике и семитологии. Единственное русскоязычное пособие по библейскому арамейскому (*Гриликес Л.* Практический курс библейско-арамейского языка. М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1998. 172 с.) содержит лишь 20 страниц систематических грамматических описаний.

В то время как аналогичные пособия по изучению библейского арамейского ограничиваются описанием сравнительно небольших по размеру текстов на этом языке, пособие Д. Цолина, которое первоначально задумывалось как учебник библейского арамейского (с. 7), является также и введением в изучение иудейско-арамейского языка античного перевода Библии, известного как Таргум Онкелоса. Включив в книгу описание языка этого Таргума, близкого к библейскому арамейскому, автор расширил корпус грамматических форм и лексики, так как корпус библейского арамейского мал грамматически и лексиче-

ски. Таким образом, Д. Золин создал введение в изучение среднеарамейских языков в целом.

Соседство в одном учебнике библейского арамейского с более поздним языком Таргума оправданно. Во-первых, оба диалекта принадлежат к западной ветви арамейских диалектов. Во-вторых, тексты обоих корпусов сопровождаются огласовками, что сближает их формы и дает возможность изучения нюансов вокализации. Современные же библейскому арамейскому языку имперско-арамейские тексты несут лишь немного информации о вокализации форм. При этом и библейско-арамейские тексты, и тексты Таргума переданы в двух системах огласовок — тивериадской и вавилонской, что дает возможность сравнения этих двух грамматических традиций (например, в спряжении библейско-арамейских глаголов, с. 220).

Таким образом, в настоящем пособии новшеством является не только включение языка Таргума, но и систематическое включение в учебник примеров с вавилонской вокализацией, которой филологи и лингвисты все еще мало интересуются. Введение в вавилонскую вокализацию особенно важно, так как в единственном на сегодня — хотя и устаревшем — издании полного текста Таргума Еврейской Библии, выполненном А. Шпербером (*Sperber A. The Bible in Aramaic Based on Old Manuscripts and Printed Texts. Leiden, 1959–1968*), текст представлен в вавилонской вокализационной системе.

Благодаря такому построению учебника учащийся уже в самом начале своего знакомства с арамейскими диалектами получит знания еще об одном корпусе арамейской литературы, важном не только с точки зрения филологии, но и истории, культурологии и богословия.

Учебник построен по общепринятому плану начальных грамматик семитских языков: 1) фонология; 2) морфология (местоимение, существительное и прилагательное, числительное, глагол, частица); 3) синтаксис; 4) глоссарий библейского арамейского (с. 326–349).

Внутри грамматических разделов материал подается в простой форме. Термины, которые начинающему изучение могут быть незнакомы, объясняются (в частности, латинские).

Особенно подробно объяснено употребление частиц в главе VI (с. 238–282), которая благодаря большому числу комментируемых примеров стала как бы расширенным глоссарием.

Так же подробно приводятся примеры в главе о синтаксисе (глава VII, с. 284–325). Внимания заслуживает тот факт, что объясняются принципы масоретской системы знаков пунктуации (что также называется «акцентуацией»; с. 316–324). Эти знаки берут свое начало в текстах на библейском еврейском языке, но даже во вводных пособиях по этому языку им не уделяется должное внимание, не говоря уже о пособиях по библейскому арамейскому. Таким образом, в этой главе Золин ввел новый стандарт в описание грамматики библейского арамейского, объясняя эти знаки на основе арамейского текста, а не исходя из предполагаемых знаний учащегося об акцентуации еврейского текста.

Каждая глава грамматических описаний снабжена экскурсом в историческую грамматику арамейских наречий, что дает заинтересованному студенту, во-первых, возможность углубить свое знание арамейского и, во-вторых, расширить свои познания в области семитских языков, так как изучающие библейский арамейский, как правило, уже прошли курс библейского еврейского языка (ср. предисловие, с. 7).

Каждая глава грамматических описаний заканчивается упражнениями по анализу арамейских грамматических форм и текстов. Примеры систематически приводятся как в тивериадской, так и в вавилонской вокализации.

Книгу завершают указатель терминов (с. 350–351), список таблиц (с. 352–353) и список литературы (с. 354–357).

Пособие Д. Золина является значительным вкладом в методику описания и преподавания семитских языков на русском языке.

Может быть, стоило бы дать в конце учебника список цитируемых мест из древних текстов, а также ключи к заданиям по переводу на арамейский, чтобы обучающийся самостоятельно мог проверить правильность своих переводов.

Среди замечаний: на с. 311 вместо בלחודיהון читай בלחודיהו «только».

В. Голенец

Болтач Ю.В. Ханмун. Вводный курс. — СПб.: Гиперион, 2013. — 335 с.

Работа Ю.В. Болтач представляет собой первое не только в отечественном, но и в мировом корееведении учебное пособие по язы-

ку *ханмун*, как в Корее назывался литературный китайский язык, на котором было написано большинство произведений корейской классической литературы.

Этот учебник опирается на работы известных отечественных синологов-лингвистов С.Е. Яхонтова и Т.Н. Никитиной, читавших курсы по теории и практике официального письменного китайского языка *вэньянь* в СПбГУ. В этом смысле книга продолжает традиции изучения *вэньяня*, которые развивались в многочисленных работах Т.Н. Никитиной. Впрочем, правильнее было бы сказать, что эта традиция восходит к школе крупнейшего отечественного лингвиста А.А. Холодовича, в группе типологических исследований которого принимала участие Т.Н. Никитина, у которой училась сама Ю.В. Болтач.

Рецензируемая работа — это итог многолетнего упорного труда вдумчивого, серьезного, эрудированного исследователя и опытного преподавателя. Появлению этого учебника предшествовал опыт преподавания древнего и средневекового китайского языка студентам-корееведкам на Восточном факультете СПбГУ. Подробнейшим образом составленное «Содержание» (с. 5–8) сразу дает представление о полноте и высокой степени информативности созданного автором учебника.

В очень четком и внятном предисловии «От автора» объясняются исторические корни, приведшие к позиции письменного китайского языка в Корее, формулируются причины, объясняющие необходимость овладения *ханмуном*, и препятствия, стоящие на этом пути в связи с отсутствием вплоть до настоящего времени соответствующего учебника. Достойное внимание уделяет автор проблеме иероглифической письменности, включая каллиграфию, — все это с учетом корейской специфики.

Учебник состоит из двух больших частей — общего очерка грамматики *ханмуна* (с. 21–62) и практического курса (55 уроков). Помимо этого, учебник снабжен указателем иероглифов, прописями, переводом упражнений и таблицей пересчета дат. Эти приложения рассчитаны не только на аудиторные занятия с преподавателем, но и на тех смельчаков, которые возьмутся за самостоятельное освоение *ханмуна*.

Выстроенные по единой, строго соблюдаемой схеме (лексика, грамматика, в необходи-

мых случаях — схема предложения, устойчивые выражения, если они имеются, практические рекомендации; упражнения: отработка написания новых иероглифов, перевод с *ханмуна* на русский и с русского на *ханмун*) практические уроки позволили автору рассмотреть и представить структурированную информацию о классическом древнекитайском языке и возникшем на его базе книжном языке *вэньяне* (именовавшемся в Корее *ханмун*) с учетом традиционных потребностей студентов-корееведов.

Знакомство с работой не оставляет сомнений в хорошей начитанности автора в текстах классического древнекитайского языка, глубиной знания *вэньяня* и, что особенно важно, — **в умении передать эти знания другим.**

Работа выстроена в основном (за исключением отдельных деталей, таких как, например, необходимость уделить больше внимания проблеме выделения классов знаменательных слов, снабдить пояснением момент появления связки 是, дать перекрестную ссылку при рассмотрении морфемы 如/若 в разных местах и др.) очень логично, по принципу «от простого к сложному», к более сложному и очень сложному.

Работа Ю.В. Болтач «Ханмун. Вводный курс», — это серьезный и ценный вклад не только в лингвистическую интерпретацию языка *ханмун*, но и в заполнение зияющей лакуны в учебной литературе, в которой так нуждаются студенты-корееведы, а возможно, и изучающие сопредельные дисциплины. Издание этой книги, выполненной на высоком теоретическом и методологическом уровне, является важным событием в корееведении и не только, потому что этим пособием могут пользоваться и студенты смежных специальностей, для которых до сих пор не существует аналогичного учебника.

И.С. Гуревич, К.Г. Маранджян

«Второй» и «Третий» альбомы о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина) / Вступит. ст. академик В.С. Мясникова и О.В. Васильевой. Подг. к изд. О.В. Васильевой. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2012.

Изданные О.В. Васильевой и В.С. Мясниковым альбомы относятся к наследию выдающегося российского Китаиста о. Иакинфа

(Никиты Яковлевича Бичурина, 1777–1853) и открывают неизвестную грань его таланта как художника и этнографа.

Эти ранее не исследовавшиеся и не публиковавшиеся источники из собрания Российской национальной библиотеки были изданы в серии «Нетрадиционные источники по истории Китая периода династии Цин (1644–1911)». В 2010 г. в серии был опубликован «Первый альбом» о. Иакинфа, озаглавленный «О народах, обитающих по берегам Амура от реки Уссури до устья его, по всему берегу Восточного моря от пределов Кореи до границы Российской и по всем островам вдоль сего берега лежащим» («Первый альбом» о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Исследования и комментарии. СПб.: РНБ, 2010). Издание «Первого альбома», несмотря на небольшой тираж, вызвало живейший интерес исследователей и в России, и в Китае, поэтому сводная публикация рисунков «Второго» и «Третьего» альбомов о. Иакинфа является необходимым и ожидаемым шагом в деле введения в научный оборот многообразного наследия блестящего и самого известного русского Китаеведа XIX в.

Сам факт выявления столь ценных и прежде находившихся как бы на периферии исследовательского внимания источников является значительным вкладом публикаторов в Китаеведение и историю науки. Ими была проделана также большая по объему и филигранная по качеству архивно-исследовательская работа. Начиная с 1930-х годов о. Иакинфу, истории его жизни, научной деятельности, значению его трудов в отечественном Китаеведении уделялось достаточно внимания, что дало право В.С. Мясникову написать во вступительной статье о существовании самостоятельной дисциплины — «бичуриноведения» (с. 10). Многие исследователи обращались к архивным материалам и опубликовали большое число документов, освещающих деятельность Н.Я. Бичурина, поэтому введение в научный оборот каждого нового, единичного документа из архивов уже является большим событием. А в Приложении «Документы о пребывании о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина) в Китае и о Кяхтинской школе китайского языка» к статье В.С. Мясникова представлены девять интереснейших источников из Российского государственного исторического архива, которые дают возможность по-новому взглянуть на многие события и факты

из истории российского Китаеведения (с. 23–38). Особая ценность публикации состоит в том, что документы приведены полностью, а не в виде выдержек, что позволит в дальнейшем расширить контекст их изучения и использовать при написании других работ.

Вступительная статья В.С. Мясникова «Публикация рукописного наследия и архивных документов Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа)» впервые представляет значение о. Иакинфа не только для российского, но и для мирового Китаеведения. О подлинном вкладе русских ученых в развитие Китаеведения мало известно на Западе до сих пор (да и в Китае теперь о нем приходится напоминать все чаще). Сопоставление работ о. Иакинфа и Роберта Моррисона красноречиво свидетельствует о том, что труд русского Китаеведа соответствовал наиболее актуальным запросам своего времени, а по масштабу превосходил совокупность работ любого другого Китаеведа, его современника. Для преодоления сложившихся стереотипов (см. об оценке В.П. Бузескула на с. 14) необходимо продолжать работу по публикации трудов Н.Я. Бичурина, которых еще много остается в наших архивах. Статья В.С. Мясникова фактически намечает план и очередность их введения в научный оборот.

Статья О.В. Васильевой «Этнографические альбомы о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина)» содержит подробнейшее библиографическое исследование публикуемых источников, их содержания, бытования, значения для науки. В плане установления авторства рисунков и подписей, выявления художественной и почерковедческой манеры работа выполнена на высочайшем экспертном уровне с отсылками на архивные данные. В новом свете предстают исследователи, государственные деятели, путешественники, люди искусства, которые влияли на состояние Китаеведных исследований в России. Приведенные в тексте статьи документы имеют важнейшее значение для изучения истории формирования библиотечных фондов по Китаю в нашей стране.

Публикация альбомов важна для восстановления приоритетов отечественной науки в изучении этнографии Китая. Эти источники свидетельствуют о том, что русские Китаеведы довольно рано стали интересоваться жизнью народов, населявших Китай, визуально фиксировать их внешние особенности и быт. «Второй» и «Третий» альбомы о. Иакинфа из

РЕЦЕНЗИИ

собрания РНБ имеют уникальный характер. Аналогичные примеры источников этнографического характера в собраниях других стран не выявлены. Поэтому представление альбомов в виде публикации необходимо и актуально. Материал стал доступным самому ши-

рокому кругу исследователей и читателей, что дает возможность для его дальнейшего, самого многопланового (и прежде всего этнографического) исследования.

И.Ф. Попова